

Туннель Юрей

11:55 PM

1

Рен Судзуки

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рен Судзуки
Туннель Юрей

«Автор»

2026

Судзуки Р.

Туннель Юрий / Р. Судзуки — «Автор», 2026

Шестеро школьников заходят в заброшенный тоннель. Трое выходят. Один становится хранителем границы между мирами. В час Быка тени шепчут. Женщина в красном ищет замену. А сорок дней до того, как проклятие выберет новую жертву, — это не срок, а приговор. «Ты тоже останешься считать шпалы».

© Судзуки Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Рен Судзуки

Туннель Юрей

1

Ночной город после дождя пахнет бетоном, мокрой листвой и дешёвым табаком из вентиляции круглосуточного «Фэмили Март». Жёлтые фонари отражаются в лужах так, что кажется, будто асфальт горит изнутри ржавым огнём. На парковке у магазина стоят шестеро.

Харуто ненавидит такие ночи. Не потому, что холодно или сыро. А потому, что всегда именно в такие ночи Кай придумывает очередную идиотскую идею, которая заканчивается либо вызовом родителей в школу, либо походом в отделение полиции. В прошлый раз это была заброшенная больница, где Кай разбил камерой стекло и порезал руку так, что пришлось накладывать четыре шва. А теперь — тоннель.

— Слышали про тоннель на старой ветке? — Кай держит банку с кофе, как микрофон на пресс-конференции. Он явно наслаждается моментом. — Там месяц назад трое школьников пропали. Нашли только одного. Он теперь в психушке и всё время считает шпалы пальцами. Психоз, говорят. А может, не психоз.

— Опять твои легенды, — Харуто не смотрит на него. Он смотрит в тёмное небо, где сквозь редкие облака проглядывает одна-единственная звезда. Полярная, кажется. Или просто показалось. — Сколько можно? В прошлый раз в больнице мы нашли только бродячего кота и кучу мусора.

— А порез? — напоминает Кай, показывая заживший шрам на ладони.

— Порез был от стекла, а не от призрака, идиот.

Рё, который всё это время молча листал заметки в телефоне, поднимает голову. Его очки сползают на кончик носа, и он поправляет их привычным жестом — указательным пальцем по переносице, три раза быстро.

— На самом деле, — говорит Рё таким тоном, будто собирается читать лекцию по истории, — тоннель действительно существует. Это бывшая железнодорожная ветка. Её закрыли в 1984 году после крушения. Машинист погиб. А потом — ещё три смерти за два года. Говорят, люди заходили туда и не возвращались. Официальная версия — бродяги и несчастные случаи. Неофициальная... — он делает паузу, чтобы нажать на экране телефона и показать всем чёрно-белое фото, — немного другая.

Фото старое, зернистое. На нём — вход в тоннель. Темнота внутри выглядит слишком плотной для обычной тени. Как будто кто-то закрасил проём чёрной краской.

Мию сидит на корточках у стены магазина. Она слушает краем уха. Её телефон разбит — экран покрыт паутиной трещин, но она всё равно водит по нему пальцем, переключая невидимые иконки. Мию всегда была тихой. В классе её называют «той самой девушкой, которая спит на задней парте». Но сейчас она не спит. Её глаза открыты шире обычного, и зрачки чуть расширены.

— Мне этот тоннель снился, — говорит она внезапно.

Все замолкают.

Кай перестаёт жестикулировать. Рё замирает с телефоном в руке. Даже Харуто отрывает взгляд от неба.

— Что значит «снился»? — переспрашивает Кай, но в его голосе уже нет прежней бравады.

— Три ночи подряд, — Мию поднимает голову. Под её глазами тени — она действительно не спала. — Один и тот же сон. Я стою внутри тоннеля. Вокруг темно. И я слышу шаги.

Медленные, тяжёлые. Как будто кто-то идёт по шпалам, но не торопится. И я знаю, что если обернусь... — она замолкает на секунду, кусает губу, — если обернусь, то увижу её.

— Кого «её»? — шепчет Рё.

— Женщину в красном.

Тишина становится плотной, как та тень на старом фото. Никто не смеётся. Даже Кай.

Ая, которая до этого момента просто стояла чуть поодаль и слушала музыку в наушниках, снимает их. Она ничего не слышала, но по лицам друзей понимает — что-то не так. Ая всегда чувствует настроение толпы. Это её суперсила. Она переводит взгляд с одного лица на другое и говорит:

— Ну что, идём или нет?

Кэнта, шестой в их компании, молчит. Кэнта всегда молчит. Он тот парень, который появляется из ниоткуда и так же бесшумно исчезает в конце вечеринки. Сейчас он стоит на пару шагов дальше всех, у самого края освещённой зоны, и смотрит куда-то в темноту за пределами парковки. Никто не замечает, что он смотрит не на туннель, а на что-то другое.

— Ладно, — Харуто вздыхает так тяжело, будто тащит на плечах невидимый мешок с камнями. — Идём. Но только ради того, чтобы Кай наконец заткнулся раз и навсегда. И чтобы Мию перестала спать спокойно. Если там ничего нет — вы больше никогда не поднимаете эту тему. Договорились?

Кай кивает, уже включая портативную камеру. Красный индикатор загорается, и на маленьком экране появляется искажённое лицо Харуто.

— История начинается, — шепчет Кай в объектив.

Никто не знает, что это будет последняя запись, которую он сделает.

Они идут от магазина до пустыря около двадцати минут. Город заканчивается быстро — сначала исчезают многоэтажки, потом маленькие домики с палисадниками, потом фонари. Дорога становится грунтовой, разбитой, с лужами, в которых отражается луна.

Рё не отрывается от телефона. Он включил GPS и теперь комментирует путь:

— Мы на окраине города. Здесь раньше был жилой квартал для рабочих железной дороги. В восьмидесятых его расселили. Сейчас ни одного дома. Одна трансформаторная будка и туннель.

— Жуткое место, — говорит Ая, но её голос звучит скорее любопытно, чем испуганно. — Смотрите, деревья.

Они и правда странные. Стволы обмотаны старыми верёвками — симэнава. Такие обычно вешают у святилищ. Но здесь верёвки порванные, почерневшие от времени. Они свисают лохмотьями и шевелятся от ветра, хотя воздуха почти нет.

— Кто-то пытался защититься, — бормочет Рё. — Или запечатать что-то.

— Хватит, — Харуто идёт впереди, освещая дорогу фонариком на телефоне. Свет слабый, батарея на двадцати процентах. — Мы просто посмотрим и уйдём.

Но они уже не могут просто уйти.

Потому что туннель появляется внезапно. Одна секунда — и его нет, только темнота между деревьями. Следующая — и вот он. Огромная бетонная арка, покрытая мхом и трещинами. Внутри — ничего. Абсолютная чернота. Свет фонариков упирается в неё и не проникает дальше двух метров, словно натывается на невидимую стену.

Кай поднимает камеру. На маленьком экране изображение рябит — горизонтальные полосы, как на старых телевизорах с плохим сигналом.

— Странно, — он трясёт камеру. — Связь ещё есть, а камера глушит.

— Может, магнитные аномалии? — предполагает Рё, но в его голосе нет уверенности.

Мию подходит ближе всех к входу. Она не дрожит. Наоборот — она выглядит так, будто наконец вернулась туда, где уже была много раз. Во сне.

— Она внутри, — тихо говорит Мию. — Я её чувствую.

Харуто хватается её за плечо и оттаскивает назад.

— Не говори так. Ты просто накручиваешь себя.

— Ты не веришь в призраков? — спрашивает Мию, и в её голосе нет обиды. Только усталость.

— Я верю в то, что вижу.

— Тогда посмотри.

Она показывает рукой на табличку, прибитую к ржавому столбу слева от входа. Иероглифы выцарапаны ножом, некоторые стёрлись, некоторые заросли мхом. Но те, что остались, складываются в предложение.

«Не входите. Вход под землю без выхода. Последний предупредил».

— Кто такой «последний»? — спрашивает Ая.

Никто не отвечает.

Кай делает первый шаг внутрь. Просто так, будто заходит в супермаркет.

— Видите? — его голос звучит с непривычно долгим эхом, хотя тоннель не должен быть акустическим. — Ничего страшного. Всего лишь старый тоннель, в котором страшно только потому, что мы сами себя накрутили. Через пять минут выйдем с другой стороны и будем смеяться.

Харуто хочет что-то сказать, но не успевает. Потому что видит, как Кэнта, который всё это время стоял сзади всех, делает шаг назад. Один шаг. И исчезает.

Не уходит. Не отбегает. Исчезает.

Как будто кто-то вырезал его из реальности.

— Кэнта? — окликает Ая. Её голос срывается на полуслове.

Тишина.

— КЭНТА! — кричит Харуто, выбегая наружу.

Но на том месте, где только что стоял Кэнта, — только его тень. Она лежит на мокрой земле, вытянутая и неестественно длинная. Но она направлена в сторону тоннеля, хотя свет фонарей падает с другой стороны.

Ая начинает плакать. Тихо, без всхлипов — просто слёзы катятся по щекам, и она их не вытирает.

— Мы должны зайти, — говорит Харуто, возвращаясь ко входу. — Мы зайдём, найдём его и выйдем с другой стороны. В тоннеле не может быть ничего сверхъестественного. Это просто бетонная труба с двумя выходами. Всё.

Никто не говорит «нет».

Они заходят вместе — Харуто впереди, за ним Мию и Ая, потом Рё, последним — Кай с камерой.

Как только последний пересекает границу, где свет снаружи встречается с тьмой внутри, воздух меняется. Становится сухим и холодным — не как зимой, а как в подвале старого дома, где десятилетиями никто не открывал дверь.

Первые несколько метров — бетонные стены, шпалы под ногами, запах пыли и ржавчины. Нормально. Обычно. Даже скучно.

Потом начинается странное.

Харуто замечает, что под ногами не шпалы. Песок. Мелкий, сухой, белый песок, хотя снаружи только что прошёл дождь и земля должна быть мокрой. Песок скрипит под подошвами, как сахарный.

— Странно, — шепчет Рё. — Где здесь взяться песку? Мы в горах, ближайший пляж в ста километрах.

Мию смотрит на стены. Они покрыты отпечатками ладоней. Тысячи отпечатков — маленьких и больших, детских и взрослых. Некоторые свежие, будто их оставили минуту назад. Некоторые старые, ввевшиеся в бетон.

Один отпечаток начинает двигаться.

Просто медленно ползёт вниз по стене, оставляя за собой чёрный след. Как будто рука, которая его оставила, всё ещё там, внутри бетона, и двигается сейчас.

— Бежим, — говорит Харуто.

Но бежать поздно.

Потому что одновременно у всех шестерых телефоны издают звук уведомления. Один сигнал на шесть разных устройств. На экранах — одно и то же фото. Чёрно-белый снимок женщины. Лицо размыто, но платье — тёмное, почти чёрное — выделяется на светлом фоне.

Под фото — таймер.

59:58.

59:57.

59:56.

— Что это? — голос Аи превращается в писк.

— Обратный отсчёт, — Рё сглатывает. — До чего?

И в этот момент из темноты впереди доносится звук.

«Дон».

Металлический стук, как если бы кто-то ударил молотком по рельсу.

«Дон».

И снова. Ритмично. Медленно.

«Дон».

Шаги. Тяжёлые шаги по шпалам.

Но они идут не спереди.

Сзади.

Кай оборачивается первым, потому что он самый смелый или самый глупый — разница не всегда очевидна.

Он поворачивается с камерой в руках, нажимает запись и говорит:

— Давай, выходи. Покажи себя. Я знаю, что это чья-то шутка. Рё, это ты? У тебя в телефоне есть приложение для фальшивых уведомлений? Выходи, придурок.

Никто не выходит.

Тьма позади такая же густая, как и впереди. Но в ней есть форма. Тень, которая не принадлежит ни одному из них.

Она стоит в трёх метрах от Кая. Высокая, тонкая, с длинными волосами, падающими на лицо. На ней — красное кимоно. Не ярко-красное, а тёмное, цвета запёкшейся крови. Лица не видно — только чёрная дыра под гребнем волос.

Кай не кричит. Он замирает.

— Кай? — зовёт Харуто. — Кай, что там?

Кай не отвечает. Он просто стоит, глядя в темноту, и его губы шевелятся. Он пытается что-то сказать, но не может.

Фигура делает шаг вперёд.

Кай делает шаг назад.

Она ещё шаг.

Он ещё назад.

И так — три шага, пока спина Кая не упирается в Харуто.

— Кай, твою мать, что случилось? — Харуто хватается друга за плечо и разворачивает к себе.

И видит его лицо.

Кай плачет. Молча, без звука. Его глаза расширены до предела, зрачки заняли всю радужку. Он похож на человека, который увидел свою смерть и понял, что она уже здесь.

— Она... — выдыхает Кай. — Она сказала...

— Что сказала?

— «Начинается счёт».

Харуто поднимает свой телефон.

53:22.

53:21.

53:20.

Он смотрит в темноту позади Кая, но там уже никого нет. Только стена тоннеля, покрытая движущимися отпечатками ладоней.

— Выход, — говорит Харуто. — Нужно найти выход. Сейчас же.

Они бегут. Все шестеро — вперёд, в темноту, под ритмичный стук, который доносится то сзади, то спереди, то сверху, будто кто-то ходит по крыше тоннеля, хотя над ними — два метра бетона и земля.

Они бегут пять минут. Десять. Пятнадцать.

Тоннель не заканчивается.

Стены не меняются. Шпалы под ногами — всё те же. Таймер на телефонах — 44:07. 43:59. 43:40.

И где-то в глубине, за пределом слышимости, но уже внутри их сознания — шёпот на старом японском, который они не должны понимать, но почему-то понимают:

«Считай шпалы, Харуто. Считай их пальцами. У тебя их всего десять. А шпал — тысяча. Что ты будешь считать, когда пальцы кончатся?»

Харуто бежит дальше.

Потому что он обещал.

Потому что если он остановится — он услышит всё до конца.

2

Бежать в полной темноте невозможно. Харуто понял это через три минуты, когда споткнулся о шпалу и разбил колено так, что по ноге потекла тёплая липкая кровь. Но останавливаться нельзя — потому что стук позади не прекращается ни на секунду.

«Дон».

Через три шпалы.

«Дон».

Ещё через две.

Кто-то или что-то идёт за ними, соблюдая идеальный ритм, и не приближается, но и не отстаёт.

Рё первым теряет дыхание. Он никогда не был спортивным — сутулые плечи, вечно красное лицо после трёх этажей лестницы в школе, астма в лёгкой форме, о которой он не говорит, но ингалятор всегда в рюкзаке. Сейчас он останавливается, хватая ртом воздух, и воздух оказывается странным — слишком сухим, почти вакуумным, как в самолёте на большой высоте.

— Не могу, — выдыхает Рё. — Мне нужно... минутку...

— Нет у нас минутки, — Харуто хватая его за капюшон и тянет вперёд. — Ты слышишь этот звук? Он не остановится. Мы не остановимся.

— А если тоннель бесконечный? — голос Аи дрожит, но она не плачет. Ая вообще не из тех, кто плачет в стрессовых ситуациях. Она из тех, кто злится. И сейчас она зла — на Кая, который притащил их сюда, на Кэнтю, который исчез как трус (как она думает), на тоннель, на эту дурацкую женщину в красном, которой по её мнению не существует.

— Тоннели не бывают бесконечными, — отвечает Рё, откашливаясь. — Это технически невозможно. Даже самый длинный тоннель в мире — Сейкан, между Хонсю и Хоккайдо — пятьдесят три километра. Мы не могли пробежать больше двух.

— Тогда почему мы до сих пор не видим выход? — Ая обводит рукой темноту. — Мы бежим уже... сколько? Двадцать минут? Тридцать? Я потеряла счёт.

Мию молчит. Она идёт позади всех, почти у самой границы видимости, и не поднимает головы. Если посмотреть на неё в свете фонариков, можно заметить, что её губы шевелятся. Она что-то шепчет про себя — не молитву, не заклинание, а просто числа. Один, два, три, четыре. Считает шпалы. Или шаги.

Кай идёт рядом с Харуто. Он не плачет уже, но выглядит так, будто его вынули из тела и забыли вставить обратно. Камера всё ещё в его руке — красный индикатор горит, значит запись идёт. Но сам Кай на неё не смотрит. Он смотрит на свои пальцы — на левой руке их пять, на правой пять — и пересчитывает их снова и снова.

— Кай, — тихо зовёт Харуто. — Кай, ты со мной?

— Она сказала, что я первый, — отвечает Кай, не поднимая глаз. — Когда она стояла там... в темноте... я услышал её голос. Не ртом. Просто внутри головы. Она сказала: «Ты первый. И ты не выйдешь».

— Это галлюцинации, — Харуто говорит это твёрдо, хотя сам в это не верит. — В тоннеле может быть угарный газ. Или плесень. Есть грибок, который вызывает галлюцинации. Я читал. Чёрная плесень, она растёт в старых зданиях, и люди видят...

— Заткнись, Харуто, — говорит Ая. Её голос жёсткий, как наждак. — Ты сам не веришь в то, что говоришь.

Она права.

Через некоторое время — Харуто перестал засекаать, телефоны давно выключились от холода или разрядились, кроме одного, Рё, который предусмотрительно зарядил его на сто

процентов перед выходом — они находят нечто, что нельзя назвать выходом, но нельзя и игнорировать.

Стена.

Буквально — бетонная стена, перекрывающая тоннель. Без дверей, без люков, без намёка на проход. Гладкая, холодная, с одним единственным элементом — старыми механическими часами, вмурованными в бетон на высоте человеческого роста.

Часы не работают. Стрелки застыли на 3:14.

— Тупик, — шепчет Рё. — Этого не может быть. Тоннель не может заканчиваться тупиком. Это противоречит...

— Противоречит чему? — обрывает его Харуто. — Обычной физике? Мы уже давно не в обычной физике.

Он подходит к стене и проводит рукой по бетону. Холодный. Шершавый. Настоящий. Но если прижаться ухом — слышно что-то с той стороны. Не стук, не шёпот. Что-то другое. Дыхание. Медленное, тяжёлое, как у спящего великана.

— С той стороны есть пространство, — говорит Харуто. — Тоннель не закончился. Его просто... заблокировали. Кто-то построил эту стену.

— Когда? — спрашивает Ая.

— Не знаю. Может, сорок лет назад. Может, вчера.

Часы на стене вдруг щёлкают. Один раз, громко, как выстрел из маленького пистолета.

Секундная стрелка дёргается.

И начинает двигаться.

Не вперёд — назад.

— Это не часы, — говорит Мию. Она впервые подаёт голос с того момента, как они вошли. — Это таймер. Такой же, как на телефонах, только механический. Он отсчитывает не минуты. Он отсчитывает...

Она не договаривает.

Потому что из темноты позади снова доносится стук.

Но теперь он другой. Не ритмичный, не размеренный.

Кто-то бежит.

Быстро. Тяжело. Приближаясь.

— Бежим обратно, — говорит Харуто.

— Куда? — кричит Ая. — Там темнота и она!

— А здесь тупик и она скоро будет здесь! У нас нет выбора!

Они бегут обратно — туда, откуда пришли. Но когда они проходят мимо того места, где споткнулся Харуто и разбил колено, крови на шпалах уже нет. Ни капли. Будто кто-то вытер её тряпкой. Или языком.

Кай отстаёт первым.

Это происходит не потому, что он медленный. Кай — самый быстрый в их компании, он бежит стометровку за одиннадцать секунд. Он отстаёт потому, что его ноги перестают слушаться. Не паралич, нет — просто каждое движение требует нечеловеческих усилий, как будто кто-то привязал к его лодыжкам гири по десять килограммов.

— Идите, — говорит он сквозь зубы. — Я догоню.

Харуто оборачивается, хочет взять его за руку, но Кай отталкивает его.

— ИДИ, БЛЯТЬ!

Это единственный раз, когда Харуто слышит, как Кай использует мат. Обычно Кай — мастер слова, он может оскорбить так изящно, что собеседник поймёт это только через два дня. Но сейчас он просто кричит.

Харуто бежит дальше. С Рё, с Аей, с Мию. И слышит, как сзади затихают шаги Кая. А потом слышит, как стук позади них меняется. Раньше он был один — один источник, одна пара

ног. Теперь их два. Один медленный и тяжёлый. Второй — быстрый, лёгкий, почти неслышимый, но от этого ещё более страшный. И второй источник находится где-то между ними и тем местом, где только что был Кай.

Мию смотрит на свой телефон — единственный, который всё ещё работает, потому что Рё отдал его ей, сказав, что у него астма и он всё равно не сможет долго бежать.

Таймер на экране.

31:14.

31:13.

31:12.

— У нас есть ещё тридцать минут, — говорит Мию. — Что будет, когда таймер дойдёт до нуля?

— Не хочу знать, — отвечает Харуто.

Они бегут ещё десять минут. Тоннель меняется — не сразу, не резко, но если присмотреться, стены становятся уже. Ширина сокращается с четырёх метров до трёх, потом до двух. Потолок опускается. Харуто, который ростом сто семьдесят пять сантиметров, уже почти касается его головой.

— Тоннель сжимается, — паникует Рё. — Мы в трубе, которая становится меньше. Если это продолжится...

— Не продолжается, — обрывает его Мию. — Смотри.

Она показывает на стену. Бетон здесь гладкий, почти отполированный. И на нём — слова. Вырезанные ножом, выцарапанные гвоздём, выжженные чем-то горячим.

Имён много. Десятки. Сотни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.